

Фешенебельный пансіонъ

прошлаго столѣтія.

Летитъ быстрокрылое время
И все увлекаетъ съ собой:
И счастье, и горестей бремя
И юности—вѣкъ золотой.

Народ. пѣсня.

Помѣщавшійся съ незапамятныхъ временъ въ Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ ¹⁾ пансіонъ принадлежалъ много лѣтъ тому назадъ—почтенной г-жѣ Онетъ, портретъ которой, темный, потускнѣвшій отъ времени въ широкой золоченой рамѣ, служилъ украшеніемъ одного изъ классовъ въ 70 годахъ.

Въ собственность Е. П. Заливкиной, какъ бывшей помощницы и сотрудницы г-жи Онетъ, перешелъ пансіонъ въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Пециньеркой окончивъ въ 1824-мъ году Смольный институтъ, Е. П. посвятила себя исключительно педагогической дѣятельности—своему любимому дѣтищу пансіону, въ которомъ поддерживала строгій режимъ и традиціи института, въ которомъ окончила свое образованіе.

Вмѣстѣ съ пансіономъ, какъ бы въ наслѣдіе г-жа Онетъ приобрѣла Е. П., незамѣнимую помощницу, въ лицѣ Miss Sally (Салли), строгой пуританки, блюстительницы порядка. Ей было

¹⁾ Е. П. Заливкина скончалась въ 1879 г., и пансіонъ, перешедшій къ ея сестрѣ, вскорѣ упразднился.

за 60 лѣтъ, когда я впервые, при поступленіи въ пансионъ, узнала ее. Мнѣ живо представляется ея маленькая, плотная фигура; пышное, свѣтло-кофейное шерстяное платье, корсажъ на костяхъ, со старомоднымъ отложнымъ воротникомъ, чепчикъ съ длинными широкими лентами и густою сплошь обрамлявшій ея круглое, румяное лицо. При своей тучной комплекціи она отличалась необыкновенной подвижностью. Энергично преслѣдуя болтовню на русскомъ діалектѣ, она не только на словахъ угрожала „mauvais point“ (плохимъ балломъ), но и спѣшила таковой тотчасъ же занести въ свой журналъ. Обильно за самую малѣйшую провинность сыпались на насъ *mauvais point* Miss Sally — при чемъ извиняться, оправдываться — было бесполезно — суровая англичанка оставалась всегда непреклонной.

Въ долгіе годы существованія — въ пансионѣ Е. П. установился своеобразный, строгій — какой-то исключительный *modus vivendi*.

Такъ, напримѣръ, вмѣсто принятой въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ 5 и 12-ти-балльной системы — у насъ существовала чрезвычайно сбивавшая съ толку учителей — почему-то 6-ти-балльная.

Классовъ было всего 4, хотя курсъ былъ 7-ми-лѣтній, такъ какъ въ двухъ старшихъ классахъ было по 2 отдѣленія. Отмѣтки, отпечатанныя по-французски на тонкихъ листкахъ большого формата — выдавались родителямъ по 2 раза въ мѣсяцъ. На нихъ означалось, какой по успѣхамъ въ наукахъ числилась въ классѣ — ученица; выставлялось общее число „*bon* и *mauvais points*“¹⁾ и обозначалось поведеніе словами²⁾: „*Bien, passable, très bien*“.

Такъ какъ пансионъ въ мое время не пользовался правами гимназій, то выданное на выпускномъ актѣ свидѣтельство, за подписью попечителя учебнаго округа объ окончаніи курса, требовало еще, на полученіе званія домашней учительницы, экзамена по всѣмъ предметамъ средне-учебнаго заведенія при 6-ой гимназій (въ зданіи министерства народнаго просвѣщенія у Чернышева моста).

Другою характерною особенностью пансіона было отсутствіе въ классахъ партъ и пюпитровъ, составляющихъ неотъемлемую принадлежность школьной обстановки. Вмѣсто нихъ были, какъ,

¹⁾ Плохимъ балломъ.

²⁾ Хорошо, порядочно, очень хорошо.

вѣроятно, при блаженной памяти М-ше Онетъ—длинные скамейки, обитыя черной клеенкой, и такіе же табуреты. Столы въ зависимости отъ величины класса и числа ученицъ были разставлены покоемъ, глаголемъ или буквой Т, какъ у насъ, въ старшемъ классѣ. Въ каждомъ классѣ помѣщался библиотечный шкафъ для книгъ и журналовъ, большая классная доска—отдѣльный возлѣ нея столикъ и стулъ для присутствующей на каждомъ урокъ, классной дамы и нѣчто на подобіе открытаго шкафа, съ клѣтками для помѣщенія нашихъ портфелей и книгъ.

Окна всѣхъ классовъ, выходившихъ на Невскій проспектъ, были заставлены примитивными, деревянными рѣшетками, состоявшими изъ тоненькихъ—окрашенныхъ въ черный цвѣтъ узенькихъ брусковъ.

Занятія были распределены такимъ образомъ, что, начинаясь съ 9 часовъ, съ перерывомъ для обѣда, съ часовой отъ 3 до 4 рекреацией—продолжались до 7-ми часовъ, когда экстерны, въ сопровожденіи прислуги, или кого-либо изъ старшихъ, уходили домой, а интерны послѣ ужина, общей молитвы—расходились по дортуарамъ. Классы начинались аккуратно въ 9 часовъ, 2 урока съ небольшой перемѣной занимали время до 12; съ полудня до 2-хъ было еще 2 урока, затѣмъ обѣдъ. Рекреация отъ 3—4-хъ съ прогулкой для экстерновъ по классамъ и стеклянной галлерей, а для интернъ—урокъ музыки. Отъ экзерсисовъ, гаммъ простыхъ и хроматическихъ—исполняемыхъ на рояляхъ, которые за недостаткомъ мѣста помѣщались даже въ дортуарахъ—стоялъ въ воздухѣ неприятно густой гулъ. Отъ 4 до 7-ми еще два урока и такъ какъ времени для приготовленія заданнаго было мало—то пособіемъ служили репетиціи по каждому предмету съ дамами классными, замѣнявшими намъ учителей въ случаѣ ихъ отсутствія; при чемъ полагалось, не теряя времени по-пусту, заниматься—имѣющимъ навсегда готовымъ—руководіемъ.

Плата за полупансіонерокъ и интернъ взималась по полугодно, при чемъ при поступленіи требовался серебряный приборъ, состоящій изъ ножа, вилки, ложки столовой и чайной, который по окончаніи курса переходилъ въ собственность пансіона.

Преподаваніе поставлено было отлично, языки изучались основательно въ теоріи и практикѣ, учителями нашими были всѣ лучшіе, извѣстнѣйшіе преподаватели Петербурга того времени.

Особенно интересенъ былъ курсъ французской литературы

въ увлекательно живомъ, умѣломъ чтеніи этого предмета Mr. Flint¹⁾. Живо представляется мнѣ его внушительная фигура, съ гладко выбритымъ оваломъ лица (имѣвшимъ большое сходство съ позднѣйшими портретами Наполеона). Я помню его превосходную, ясную дикцію, тѣ красивые жесты, которыми дополнялъ онъ свою выразительно живую рѣчь. Французскую литературу проходили мы не по учебникамъ, а по составленнымъ имъ самимъ гектографическимъ оттискамъ, заключавшимъ въ себѣ чрезвычайно интересныя біографіи, характеристики извѣстныхъ писателей, лучшіе отрывки изъ поэтическихъ произведеній. Наше время было періодомъ горячаго увлеченія романтизмомъ, мы съ наслажденіемъ заучивали старинныя стансы и декламировали строфы Duperrier à la morte de sa fille. Особенно нравилось намъ сравненіе²⁾ *mais elle était du monde ou les plus belles choses ont le pire destin et rose elle a vécu ce que vivent les roses—l'espace d'un matin* и т. д.³⁾

Задаваемые имъ темы для сочиненій были всегда такими интересными, благодарными, содержательными, что пріятно было разработать ихъ. Онъ былъ строгъ, скупъ на отмѣтки, но умѣлъ цѣнить работу лучшихъ ученицъ. Съ неподражаемымъ, тонкимъ юморомъ прочитывая вслухъ выдержки изъ неудачныхъ сочиненій, онъ заставлялъ смѣяться надъ ихъ несообразностями самихъ авторовъ.

Время свое Mr. Flint цѣнилъ такъ дорого, что преподавалъ только въ 1-мъ классѣ. Преподавателемъ фр. языка во 2-мъ классѣ былъ извѣстный своей хрестоматіей Mr. La Fosse, котораго я совсѣмъ не знала.

Нѣмецкую литературу проходили мы съ г-нѣмъ Беккеръ, имѣвшимъ также чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, солидную внѣшность государственнаго мужа. Онъ, какъ и Mr. Flint, преподавалъ свой предметъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ⁴⁾ и пользовался, какъ говорятъ, большой благосклонностью при Дворѣ Великой Княгини Елены Павловны. Курсъ литературы проходили мы по его собственному руководству—не большой

¹⁾ М. Флинтъ былъ лекторомъ академіи генеральнаго штаба—въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника—преподавателемъ Августѣйшихъ сыновей Императора Александра II, Пажескаго корпуса, гдѣ имѣлъ квартиру.

²⁾ „она была отъ мира, гдѣ всему лучшему уготованъ худшій удѣлъ—и какъ роза, она просуществовала всего одно утро бытія“.

³⁾ Она была отъ міра, въ которомъ всему прекрасному сужденъ худшій удѣлъ—и какъ подобіе розы ей суждено было пережить одно утро.

⁴⁾ Въ лицѣ, училищѣ Правовѣднія.

тонкой книжкѣ, которая переходила отъ одного внука къ другому, такъ какъ ее нигдѣ нельзя было купить. Первое изданіе очевидно быстро разошлось, а г-ну Беккеру вѣроятно не хотѣлось заняться дополненіемъ его, для выпуска 2-мъ изданіемъ.

Другимъ преподавателемъ нѣмецкаго языка—собственно синтаксиса былъ г. Бютнеръ. Высокій, плотный, добродушный, онъ былъ проще, доступнѣе гордаго, олимпійски-величаваго г-на Беккера. На баллы онъ не былъ скупъ—и въ общемъ былъ очень симпатиченъ.

Русскую литературу читалъ намъ А. А. Антоновъ¹⁾, чрезвычайно серьезный, сосредоточенный—любившій свой предметъ и относившійся справедливо и безпристрастно къ письменнымъ работамъ ученицъ. Задаваемые имъ темы для сочиненій—разборъ литературныхъ произведеній, параллель между героями наиболѣе извѣстныхъ романовъ и драмъ, описанія природы—психологическія задачи—были безконечно содержательны и разнообразны. Многимъ обязана я ему въ смыслѣ внимательной, тщательной разработки слога. Передъ выпускомъ—когда курсъ литературный былъ пройденъ, онъ во время урока превосходно читалъ намъ произведенія лучшихъ писателей. „Четыре времени года“ Гончарова въ его умѣломъ чтеніи на всю жизнь запечатлѣлись въ моей памяти.

Уроки географіи умѣлъ дѣлать необыкновенно интересными Г. П. Вагнеръ²⁾. Учебники Смирнова и Бѣлохи служили намъ только для справокъ; мы торопливо заносили въ свои тетради для памяти описанія государствъ Европы—столицъ, историческихъ городовъ, впечатлѣнія путешествій, совершенныхъ Г. П. Моложавый, изысканно любезный, онъ производилъ впечатлѣніе великосвѣтскаго, придворнаго человѣка, постоянно вращающагося въ высшемъ обществѣ.

Но самыми любимыми изъ всѣхъ преподавателей былъ учитель физики и естественной исторіи П. Ив. Степановъ, большого роста, внушительной наружности, онъ обладалъ, свойствомъ располагать къ себѣ. Въ звукѣ голоса его, въ глазахъ звучало такъ много искренности и доброты—снискавшихъ ему вообще расположеніе. Мы любили его уроки, мы старались какъ можно лучше приготовить заданное имъ, несмотря даже на то, что Пав. Ив. отличался необыкновеннымъ добродушіемъ

¹⁾ Г-нъ Антоновъ былъ инспекторомъ классовъ въ Екатерининскомъ институтѣ, издалъ превосходную грамматику русскаго языка.

²⁾ Дѣйствительный статскій совѣтникъ—директоръ коммерческаго училища въ Петербургѣ.

и снисходительностью и былъ щедрѣе, чѣмъ кто-либо, на баллы. Я встрѣчалась съ нимъ уже въ послѣдующіе годы своей жизни, когда онъ былъ директоромъ училища глухонѣмыхъ, и, прочитавъ въ газетахъ о кончинѣ его (директоромъ всѣхъ петер. женскихъ гимназій), послѣдовавшей 18 февраля 1912 года, — искренно оплакивала его, какъ человѣка рѣдкой по благородству души и незамѣнимаго, полезнаго неутомимаго труженика, въ лицѣ котораго, цѣнившій его по заслугамъ, педагогическій столичный міръ понесъ невознаградимую, тяжелую утрату.

Другимъ, пользовавшимся большою симпатіей ученицъ, преподавателемъ былъ отличавшійся рѣдкимъ добродушіемъ и незлобіемъ, убѣленный сѣдинами, учитель рисованія академикъ Вас. Сем. Садовниковъ. Онъ не менѣе насъ боялся строгой Miss Sally, хотя ему, подобно намъ, не угрожало „mauvais point“. Уловивъ выраженіе гнѣва на лицѣ ея, онъ, робкій и застѣнчивый, принималъ на себя провинность, навлекшую неудовольствіе суровой англичанки. „Не беспокойтесь, Сарра Яковлевна, виноватъ я самъ, что не успѣлъ подойти исправить рисунка M-lle T—“. Но Miss Sally часто не внимала его заявленію и властно приказывала ослушницѣ возвратиться на свое мѣсто и впредь не нарушать порядка, ожидая терпѣливо своей очереди.

Мнѣ, рисовавшей первый годъ только карандашомъ, рисунокъ выдавался самой Miss Sally. Я изображала въ толстой тетрадкѣ какіе-то замки, частоколы, маленькіе мостики и когда подносила ей свой уже готовый рисунокъ, — она обыкновенно пальцемъ указывала на нѣчто по ея мнѣнію незаконченное; я возвращалась на свое мѣсто и, чтобы не испортить рисунка, не дѣлала никакихъ измѣненій; послѣ чего возвращала тетрадь Miss Sall, ставившей въ углу какую-то отмѣтку, въ видѣ затѣдливаго іероглифа.

Танцы, пластику, грацію преподавалъ извѣстный всему Петербургу того времени знаменитый балетмейстръ Ив. Тим. Стуколкинъ. Его высокая, худощая, отличавшаяся необыкновенной гибкостью и подвижностью фигура ясно представляется мнѣ въ тотъ моментъ, когда онъ, имитируя одну изъ насъ, съ необыкновеннымъ комизмомъ продѣлывалъ какос-нибудь *chassée* (приговаривая въ тактъ и „Муравьева—Петипа—не станцуютъ это па“). Танцевали мы, постоянно чередуясь, *lancier*, польку-мазурку, венгерку и пр. танцы, но больше всего было обращено вниманіе на походку, поклоны и въ особенности реверансы, которые должны были быть глубокими, плавными, граціозными.

Для уроковъ танцевъ, которые давались спозаранку въ пятницу (за недостаткомъ времени у Ив. Тим.), мы должны были приносить изъ дома кисейные бѣлые передники и прюне-левья ботинки безъ каблуковъ и набоекъ, въ которыхъ такъ неудобно было не только танцевать, но и ходить по паркету, особенно усердно натертому мастикой въ эти дни.

Не любили мы этого танцкласса... Сыро, холодно, неудобно было въ большомъ съ необыкновенно скользкимъ поломъ залѣ, въ этотъ ранній утренній часъ. Впереди масса недоученныхъ уроковъ, за которыми не приходилось отдохнуть отъ усиленнаго моціона.

Если утренніе уроки танцевъ не приходились всѣмъ намъ по душѣ—то зато очень любили мы уроки хорового пѣнія и своего учителя Л. П. Рожнова, издавшаго собраніе красивыхъ русскихъ пѣсенъ „Вѣнокъ“, по которому равучивали мы мелодичные романсы: „Вьется ласточка сизокрылая надъ окномъ моимъ“, „Колокольчики мои цвѣтики лѣсные“ и т. д. Экзерсисовъ мы совсѣмъ не проходили, а начали сразу пѣть—до ре ми фа соль ля си. „Мы знаемъ гамму хорошо—и обратно внизъ до си ля фа ми ре до не затрудняетъ насъ ничто“. „Боже, царя храни“, „Здравствуй, русская красotka—распрекрасная вима“ и пр.

Изъ всѣхъ предметовъ не давалась мнѣ только одна математика, и потому я, пользовавшаяся престижемъ ученицы не изъ плохихъ—была не въ милости у преподавателей математики и репетировавшей съ нами этотъ предметъ В. П. И.—ой, сестры начальницы. Строгій, суровый г-нъ Волковъ ставилъ мнѣ всегда плохія отмѣтки, которыя мнѣ не особенно вредили потому только, что онъ рѣдко вызывалъ меня къ доскѣ—ему вѣроятно самому досадно было получать неудачные нелѣпые отвѣты. Его преемникъ, болѣе молодой и менѣе строгій, г-нъ Ремберовичъ—былъ ко мнѣ болѣе милостивъ и въ присутствіи кого-либо изъ вышшаго начальства, вѣдомства народнаго просвѣщенія, никогда не вызывалъ къ доскѣ меня, никогда въ это время не поднимавшей глазъ. Не заглядывая отъ волненія въ раскрытый передъ нимъ журналъ, онъ вызывалъ къ доскѣ только тѣхъ, на которыхъ случайно останавливался его случайный взглядъ. Спрошенными всегда оказывались именно тѣ, которыя желали блеснуть своими познаніями и составить хорошую репутацію какъ преподавателю, такъ и всему классу.

За то по исторіи всегда у меня были отличныя отмѣтки, даже у строгаго, требовательнаго г-на Замысловскаго—котораго замѣстилъ впоследствии совсѣмъ еще молодой, симпатичный,

тщедушный г-нъ Покровскій. Онъ превосходно преподавалъ свой предметъ, и его лекціи мы записывали съ особеннымъ удовольствіемъ, такъ какъ онъ почти не придерживался руководства Иловайскаго и постоянно ссылался на Карамзина, Устрялова и Соловьева.

На каждой лекціи присутствовала та изъ классныхъ дамъ, на обязанности которой лежало репетированіе заданнаго урока.

На лекціяхъ нѣмецкаго языка присутствовала полная, симпатичная, добродушная Fräulein Hesse, которой мы по пятницамъ отвѣчали тщательно переписанныя стихотворенія Шиллера, Уланда, Гейне и др. по ея чрезвычайно удачному выбору.

На лекціяхъ французской литературы присутствовала въ годъ моего поступленія въ пансионъ массивная, представительная M-lle Gégard, внушавшая своимъ голосомъ (густымъ басомъ и солидною внѣшностью) кромѣ уваженія еще и чувство страха, хотя въ общемъ она не была сурова.

Ея замѣстительница, моложавая, оживленная M-lle Tabari¹⁾ представляла полный контрастъ своей предшественницѣ. Она была необыкновенно привѣтлива и внимательна и относилась къ намъ, какъ къ своимъ сверстницамъ. Ей также по пятницамъ мы отвѣчали стихи, которые были всегда такъ умѣло выбраны ею. Мы съ удовольствіемъ заучивали Iocelyn Lamartine—à ma fille, Victor Hugo, André Chenier, Alfred de Musset и пр., которые свѣжо до сего времени сохранились у меня въ памяти.

Ближайшей сотрудницей — послѣ Miss Sally была А. Т. Соколова — смолянка (впослѣдствіи инспектриса пениньерокъ на николаевской половинѣ Смольнаго института); она была до педантизма вѣрна институтскимъ порядкамъ и строгому этикету. Она всегда держалась прямо, отличалась необыкновенной выдержкой и требовала отъ ученицъ хорошихъ манеръ, плавныхъ движеній и глубокихъ, граціозныхъ реверансовъ.

Утренній кофе начальницѣ и французенкѣ подавался всегда въ нашемъ классѣ. Сдѣлавъ на порогѣ почтительный реверансъ, мы, чтобы не мѣшать ихъ разговору, старались, пройдя на свое мѣсто, разобратъся осторожно и безшумно въ своихъ учебникахъ и тетрадяхъ.

Послѣ 2-го урока около полудня, на подносѣ, покрытомъ бѣлой салфеткой, подавались однимъ изъ лакеевъ—разложенные

¹⁾ Впослѣдствіи вышедшая замужъ за сотника Грекова.

вокругъ стеклянной солонки—тонкіе ломти бѣлаго, чернаго, ситнаго хлѣба, съ добавленіемъ потомъ мягкихъ толстыхъ баранокъ.

Въ 2 часа мы по классамъ становились въ пары и подъ предводительствомъ Fraülein Hesse торжественно черезъ гостиную и такъ называемый *salon vert*¹⁾ направлялись къ обѣду въ залъ, гдѣ по прочтеніи одною изъ дежурныхъ краткой предъобѣденной молитвы, занимали свои мѣста, тогда какъ старшія ученицы, набравшія въ передники салфетки съ именными кольцами, спѣшно раздавали ихъ по принадлежности. Параллельно окнамъ зала стояло два стола, третій находился въ *salon vert* и за нимъ за хозяйку была M-lle Hesse.

За нашимъ—предсѣдательствовала сама M-lle Заливкина, въ центрѣ сидѣла одна изъ классныхъ дамъ, а противъ нея наша экономка, худощавая, живая Эмма Ивановна, съ необыкновенною ловкостью и проворствомъ умѣвшая разливать почти одновременно супъ по четыремъ тарелкамъ, которыя быстро отъ одной къ другой передавались на самый край стола. Пустыя тарелки очень скоро и ловко собиралъ одинъ изъ двухъ пансіонскихъ лакеевъ. Онъ же ставилъ передъ нѣмкой большія, тяжелыя блюда.

Меню не отличалось разнообразіемъ. По расписанію отъ временъ, должно быть, M-lle Онетъ, полагался ежедневно какой-нибудь густой супъ, засыпанный для большей питательности лапшой, вермишелью, рисомъ или крупами. На жаркое подавалась отварная говядина съ соусомъ изъ брюквы, рѣпы, моркови, горошка, бобовъ, отварной картофель; на сладкое компотъ, кисель, пудинги изъ риса или бѣлаго хлѣба съ жидкимъ клюквеннымъ сиропомъ.

Только по пятницамъ въ отличіе отъ другихъ дней подавалось жареное мясо съ огурцами и заварныя кондитерскія пышки, прозванныя „*gateaux de silence*“²⁾, потому что сидящія на концѣ стола, поспѣшивъ съѣсть ихъ, торопились молча передавать тарелки для полученія второй порціи; не до разговоровъ было въ это время. За то въ пятницу подавался тотъ темный, густой гороховый супъ, который такъ не нравился мнѣ и многимъ другимъ.

Послѣ 5-го урока, въ 1/2 6-го вечера, лакей вносилъ торжественно на большомъ подносѣ сладкій чай въ фаянсовыхъ бѣлыхъ чашкахъ, а маленькая, проворная горничная Тая—кор-

¹⁾ По цвѣту обивки мебели.

²⁾ Пирожки молчанія.

зину съ тѣми свѣжими мягкими сухарями, которыхъ каждой изъ насъ полагалось не болѣе трехъ. Танѣ вмѣнено было въ обязанность ворко слѣдить за тѣмъ, чтобъ кѣмъ-нибудь, по неосторожности или умышленно, не былъ взятъ лишній сухарь. Обыкновенно мы, приходящія, предвкушающія удовольствіе домашняго чаепитія, уступали интернамъ часть своей порціи сухарей.

Въ 7 ч., по окончаніи уроковъ, одна изъ горничныхъ, солидная, степенная Катерина или добродушная Лизаветушка, появляясь на порогѣ класса, выкликала по фамиліи мадемуазель такую-то, за которой раньше другихъ присылалась прислуга. Возбуждая зависть оставшихся въ стѣнахъ пансіона до субботы, мы, экстерны, наскоро простившись, спѣшили расходиться по домамъ.

Съ утра въ субботу всегда замѣтно было большое оживленіе. Интерны, въ особенности маленькія, уже наканунѣ уложившія свой багажъ въ корзинки и узелки, поминутно выбѣгали въ переднюю—и уже въ полдень были совершенно готовы къ уходу, хотя классы оканчивались только около 2-хъ.

Пансионъ къ обѣду окончательно пустѣлъ. Оставались въ немъ только тѣ немногія, привезенныя издалека, которыя, не имѣя родныхъ и близкихъ въ столицѣ, разъѣзжались по домамъ только на Рождество и Пасху.

На выпускномъ актѣ.

(Посвящается моему выпуску).

Лопнули струны, и лира умолкла,
Пѣсню я спѣлъ до конца..
Прошлое грустное — прошлое милое
Пусть Вамъ напомнитъ она!

Л. А.

II.

Въ жаркое петербургское утро 1-го іюня 1871 года въ ранній неурочный для столичныхъ жителей 10-й часъ, къ подъѣзду громаднаго дома Лѣсникова непрерывно подъѣзжали собственные экипажи, наемныя кареты, извозчичьи дрожки.

Подъѣздъ этотъ, подъ желѣзнымъ навѣсомъ, былъ однимъ изъ тѣхъ незамѣтныхъ, незначительныхъ, что терялись среди

множества входныхъ дверей въ гастрономическія ¹⁾ лавки такъ называемаго „Милютинскаго ряда“ и другихъ магазиновъ.

Для встрѣчи нарядныхъ дамъ, ночтенныхъ родителей, сопровождавшихъ маленькихъ вочекъ-подростковъ, взрослыхъ дѣвицъ на выпускной актъ въ пансионѣ Е. П. Заливкиной, не доставало предупредительнаго, ливрейнаго швейцара, помогавшаго выходить изъ экипажа нарядной публикѣ.

Ни надъ окнами бельэтажа, ни надъ входной дверью не было вывѣски учебнаго заведенія, просуществовавшаго много десятилѣтій. Но безъ вывѣски, безъ представительнаго подъѣзда, безъ предупредительнаго швейцара, упрочившій за собой репутацію основательнаго, превосходно поставленнаго учебнаго заведенія, фешенебельный пансионъ Е. П. Заливкиной былъ хорошо извѣстенъ петербургскому обществу, такъ какъ въ немъ окончило свое образованіе много матерей, пожелавшихъ довѣрить воспитаніе своихъ дочерей и внучекъ тому учебному заведенію, о которомъ сами сохранили на всю жизнь благодарную добрую память... Давно это было...

Воспоминаніе объ этомъ ясномъ солнечномъ утрѣ торжественнаго выпускнаго акта живо, ясно запечатлѣлось въ памяти.

День обѣщаль быть очень хорошимъ, такимъ жаркимъ, какимъ бываетъ онъ въ Петербургѣ въ самые знойные, лѣтніе мѣсяцы.

Отъ недостатка воздуха и простора въ застроенныхъ высокими, громадными домами улицъ, отъ раскаленныхъ солнцемъ желѣзныхъ крышъ ощущается нестерпимый, удушливый зной.

Спѣшная заливка асфальтомъ тротуаровъ, перестилка торцовой мостовой, ломка старыхъ зданій, постройка новыхъ, столбы известковой пыли, угаръ отъ громадныхъ чановъ кипящей смолы заставляютъ въ это время года обывателей, имѣющихъ какую-либо возможность—стремиться изъ душной и пыльной столицы къ заманчивому лону природы. Петербургъ замѣтно пустѣетъ; только служба, занятія заставляютъ оставаться въ немъ въ это время.

Въ такое утро прибывающая въ экипажахъ и пѣшкомъ

¹⁾ На Невскомъ, близъ Казанскаго собора, рядомъ съ городской думой. Старинный домъ, выходившій угломъ на Екатерининскій каналъ, куда выходили его единственные ворота. На дворѣ по срединѣ находился небольшой садъ, съ маленькими въ то время деревьями, на который выходили окна гастрономическихъ лавокъ Оudinова, Смурова, Кузнецова и проч.

нарядная публика поднималась по неширокой, заключенной между каменными стѣнами темной лѣстницѣ, старой архитектуры. доходнаго дома въ 3-й этажъ, занятый помѣщеніями пансіона.

Стеклянные двери изъ длинной входной галлерей открыты настежь и въ то время, какъ приглашенные, почетные гости прямо черезъ узкую переднюю входятъ въ гостиную,—свои. т.-е. ученицы, проворно исчезаютъ за дверью налѣво, въ комнату, заставленную шкафами, гдѣ имѣются спеціально для каждаго класса отведенныя вѣшалки.

Особенный парадный праздничный видъ имѣетъ помѣщеніе пансіона въ этотъ торжественный день. Оно измѣнилось до неузнаваемости.

Гостепріимно настежь открытыя двери представляютъ длинную амфиладу комнатъ: залъ, salon vert, гостиная, классы, пріемная начальницы, за ней цѣлый рядъ дортуаровъ.

Почтенная Е. П. Заливкина, нарядная, торжественная, въ тяжеломъ шелковомъ платьѣ, элегантною отдѣланной кружевомъ мантильѣ, наколкѣ съ широкими, цвѣтными лентами, съ привѣтливой улыбкой встрѣчая гостей, приглашаетъ прибывшихъ на ея торжество пройти въ залъ, гдѣ уже находится налицо весь учительскій персоналъ и собраны по классамъ воспитанницы.

Торжественный выпускной актъ начинается молебствіемъ, совершаемымъ законоучителемъ пансіона от. Павломъ Лебедевымъ.

Въ залѣ царитъ величественная тишина. Лица у всѣхъ присутствующихъ серьезны, сосредоточенны. Ученицамъ 1-го класса въ бѣлыхъ платьяхъ, какъ бенефицианткамъ, отведено самое почетное, видное мѣсто. Онѣ стоятъ впереди всѣхъ — возлѣ самой начальницы, и на нихъ сосредоточено общее вниманіе. Первыми подходятъ онѣ къ кресту. Теплое слово прощальнаго напутствія законоучителя, благословляющаго своихъ юныхъ питомицъ на открывающійся передъ ними, по выходѣ изъ учебнаго заведенія, новый жизненный путь, вызываетъ на лицахъ многихъ сосредоточенныхъ и вдумчивыхъ чувство умиленія. Взволнованными, растроганными возвращаются онѣ, послѣ окропленія св. водой, на свои мѣста.

Глубоко прочувствованнымъ словомъ обращается за тѣмъ къ выпускнымъ воспитанницамъ Е. П. Заливкина. Всѣмъ на всегда покидающимъ пансионъ она искренне желаетъ счастья, какъ желаетъ она, чтобы онѣ сохранили надолго добрую, благодарную память о своихъ наставницахъ и преподавателяхъ,

о времени, проведенномъ въ стѣнахъ покидаемаго ими учебнаго заведенія. Въ голосѣ, которому старается она придать внятность и твердость, звучитъ сильное волненіе, когда она говоритъ о томъ, что, привязавшись къ нимъ, полюбивъ, какъ дѣтей родныхъ, она съ глубокой искренней грустью расстается съ ними сегодня.

Ея волненіе передается многимъ присутствующимъ. На глазахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ виднѣются слезы.

Вполнѣ овладѣвъ собой, она громко по списку, который держитъ въ рукѣ, вызывая фамиліи лучшихъ ученицъ, вручаетъ каждой изъ подходящихъ къ ней награду—книгу, перевязанную бѣлыми лентами въ красивомъ, цвѣтномъ, золотомъ тисненомъ переплетѣ.

На той, которая вручена была мнѣ вмѣстѣ съ аттестатомъ и носящей названіе *Ricciola*¹⁾, въ малиновомъ переплетѣ, внутри на сафьянной красной карточкѣ, золотыми буквами напечатано *Application № 1 M-le Marie B.*

Послѣ почтительнаго, глубокаго реверанса и благодарности начальницѣ, мы по одной подходимъ къ каждой изъ классныхъ дамъ, выражая признательность за ихъ попеченіе о насъ, и общимъ поклономъ благодаримъ собравшуюся въ углу зала у рояля группу преподавателей.

Покончивъ съ торжественной, официальной программой, обрадованными, сразу повеселѣвшими подходимъ мы къ собравшимся на выпускъ роднымъ и знакомымъ.

Привѣтствія, поздравленія, пожеланія обильно сыплются со всѣхъ сторонъ. Поднимается шумъ и говоръ, совершенно непривычный для слуха присутствующаго педагогическаго персонала, настоятельно требовавшаго отъ насъ повинновенія и строгаго соблюденія тишины.

Не слыша обычнаго окрика, призывающаго къ порядку угрозы „*mauvais point*“, даже самыя маленькія и робкія пансіонерки становятся такими смѣлыми, что сами заговариваютъ съ учителями, совершенно игнорируя свое въ обычное время строгое начальство.

Послѣ шампанскаго, тостовъ за начальницу, учащихся и учащихся, приглашенные изъ залы переходятъ въ другія комнаты, въ которыхъ подается чай.

Все вниманіе гостей сосредоточивается на выставкѣ рукодѣлій, устроенной въ II. какъ самомъ обширномъ изъ классовъ. Тамъ съ большимъ вкусомъ и умѣньемъ выставлены самыя

¹⁾ Историческій очеркъ съ иллюстраціями изъ эпохи Людовика XVI.

разнообразныя работы ученицъ. По стѣнамъ въ одинаковыхъ золоченыхъ рамахъ развѣшены картины акварелью: изящные букеты, красивые пейзажи и художественно исполненныя красками, въ натуральную величину, головки, изображающія одалисокъ, задрапированныхъ въ причудливыя, прозрачныя чадры, итальянокъ съ пышными, черными, какъ смоль, волосами и пр.

Преподаваніе рисованія было отлично поставлено въ пансіонѣ художникомъ-академикомъ, почтеннымъ Васил. Сем. Садовниковымъ. Поступившая сразу въ I классъ, я, не имѣвшая дома представленія объ акварельныхъ краскахъ, могла выставить не только два изящныхъ букета цвѣтовъ,—но и предметъ своей гордости—довольно большой пейзажъ, изображавшій красивый, причудливой архитектуры минаретъ на фонѣ темной зелени.

Много было по стѣнамъ развѣшено пестрыхъ ковриковъ; выставлено вышитыхъ гладью шелками и гарусомъ диванныхъ подушекъ, кружевныхъ съ цвѣтными бантами воротниковъ; всякаго рода шитья и вязанья.

На полочкахъ, украшенныхъ вышивками съ длинной бахромой изъ блестящаго стекляруса, красовались маленькія, изящныя (подражанія коралламъ) корзиночки, изготовленіе которыхъ, очень сложное, требовало много труда. Купленныя въ магазинѣ проволочныя корзиночки приходилось тщательно обматывать полосками коленкора, смазывать клеемъ, засыпать рисомъ и заливать расплавленнымъ сургучемъ. Были еще маленькія корзиночки изъ луба, наполненныя артистически сдѣланными изъ покрытой газомъ ваты—крупныя, натуральныя ягоды садовой викторіи.

На отдѣльномъ столѣ разложены были заслужившія одобреніе высшаго начальства¹⁾ лучшія сочиненія ученицъ на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

Если бы знали мы, кто торопливо просматривалъ эти красиво-каллиграфически переписанныя на большихъ листахъ самой лучшей бумаги произведенія нашего юнаго творчества, какимъ бы уваженіемъ прониклись они къ этой Сизифовой работѣ!..

Каждое сочиненіе приходилось переписывать по меньшей мѣрѣ трижды, получая всякій разъ строгое внушеніе за убыточную порчу дорогой бумаги, за непозволительную разсѣянность и небрежность.

Многія изъ этихъ сочиненій съ разрѣшенія и безъ онаго похищались на память присутствующими гостями по преимуществу братьями и кузенами пансіонерокъ.

Было оживленно, весело, шумно какъ на свѣтскомъ благо-

¹⁾ По вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

творительномъ базарѣ. Начальства—какъ бы вовсе не существовало для насъ въ этотъ день. Съ учителями, даже самыми серьезными и строгими, можно было свободно заговаривать и шутить, какъ со своими старыми, хорошими знакомыми; просить настоятельно взаимѣнь своихъ—карточки съ подписями. Въ смѣлости и развязности старшимъ подражали не только взрослыя воспитанницы II класса, но и маленькія ученицы, стараясь заручиться благосклонностью и снисходительностью въ осеннемъ семестрѣ.

Особенной симпатіей среди учащихся пользовались преподаватель физики и естественной исторіи добрыйшій Пав. Ив. Степановъ и добродушный, почтенный учитель рисованія Вас. Сем. Садовниковъ, корректный, эlegantный М. Flint¹⁾ (Флинтъ).

Публика смѣнялась какъ въ калейдоскопѣ. Въ то время какъ разѣзжались присутствовавшіе на молебнѣ, подъѣзжали прибывшіе съ дачи—запоздавшіе на актъ.

Отъ массы самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, отъ многолюдства, шума, говора, суеты, я такъ устала, что къ 2 часамъ вернулась на отдыхъ домой, чтобы снова въ 8 часовъ прибыть на танцевальный вечеръ, устраиваемый начальницей въ честь насъ, выпускныхъ.

* * *

Утомительно душный лѣтній день, разразившійся къ заходу солнца сильной грозой, оглушительными раскатами грома, непрерывно сверкавшей яркой молніей и проливнымъ дождемъ. Надо было переждать ливень, чтобы съ запозданіемъ прибыть на этотъ прощальный вечеръ.

Въ переднюю доносились звуки излюбленнаго въ то время Штраусовскаго вальса „an der schönen blauen Donau“. Въ гостиной М-ле Заливкина занимала разговоромъ нѣсколькихъ почтенныхъ матерей; въ сосѣднемъ „salon vert“ сестра начальницы—высокая, худощавая В. И. Ив.—умѣвшая внушать ученицамъ, въ особенности слабымъ, какъ я въ математикѣ, непреодолимое чувство страха, оживленно разговаривала съ цѣлой группой преподавателей. Въ дортуарахъ, классахъ, длинной стеклянной галлерей (мѣстомъ прогулки въ часы рекреаций) слышался оживленный говоръ и смѣхъ собравшихся небольшими группами пансіонерокъ и ихъ гостей.

Несмотря на наличность кавалеровъ братьевъ, кузеновъ и ихъ товарищей, танцы въ этотъ вечеръ оживленіемъ не отли-

¹⁾ Преподаватель французской литературы.

чались. Въ залѣ, въ которомъ всѣ выходящія на Невскій проспектъ окна были настежь открыты, было какъ-то томительно душно. Тускло горѣли висящія на стѣнѣ лампы—свѣтъ ихъ какъ бы боролся съ вечерними сумерками, не сгущавшимися, несмотря на поздній часъ тѣхъ сѣверныхъ, бѣлыхъ ночей, когда, по выраженію Пушкина „одна заря, смѣнивъ другую—снѣжить, давъ ночи полчаса“.

Самыми желательными гостями въ ущербъ юнымъ, бальнымъ кавалерамъ, отличнымъ танцорамъ—были учителя. Кузеновъ, братьевъ и ихъ товарищей могли мы встрѣчать дома и на вечерахъ въ любое время, а съ преподавателями своими мы проводили послѣдній вечеръ, и каждой изъ насъ хотѣлось при прощаньѣ припомнить нѣсколько эпизодовъ классной жизни. Шутя и смѣясь, выдавались всякія шалости, невинныя продѣлки—хитрости, относящіяся къ плохо заученнымъ урокамъ, пропускамъ, мистификаціи и т. д.

Было особенно ново и весело стать сразу на ровную ногу съ тѣми лицами, которыя еще чуть ли не вчера изображали для насъ начальство и казались намъ китайской стѣной отдѣленными отъ насъ.

Становилось поздно, а совсѣмъ маленькія натапцовавшіяся вдоволь пансіонерки, заставлявшія родителей ожидать себя въ прихожей, не хотѣли уѣзжать домой; онѣ бѣгали, суетились, прощаясь такъ усердно, какъ будто бы имъ, а не намъ предстояло сегодня разстаться съ пансіономъ на вѣки.

Замолкли, замерли аккорды послѣдняго вальса... Бережно опустивъ на клавиши тяжелую крышку рояля, съ почтительнымъ поклономъ покинулъ залъ усталый тапёръ.

Приглашенные разъѣхались... Торжество окончилось... Гостиная сразу опустѣла... Для окончательнаго прощанья съ начальницей, наставницами и служащими остались однѣ мы—выпускныя.

Всѣмъ намъ—даже тѣмъ, что, вычисляя не только дни, но и часы и минуты до выпуска, считая кабалой пребываніе въ пансіонѣ, жаль было покидать на вѣки гостепріимный кровъ его...

Свѣтало... Ярko уже стала разгораться на востокѣ алая полоса зари... Дневной свѣтъ рѣшительно восторжествовалъ надъ ночнымъ сумракомъ...

Наступило ясное утро ликующаго, новаго дня.

М. М. Марина.